

УДК 321.01

Трансформация представлений о власти в исламе и христианстве: от симфонии к разделению

Булатов Тагир Раисович

Аспирант,
преподаватель кафедры философии и медиакоммуникаций,
Казанский государственный энергетический университет,
420066, Российская Федерация, Казань, ул. Красносельская, 51;
e-mail: bulatovtr116@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу философских концепций власти в мусульманских (арабских) и христианских (европейских) представлениях на различных исторических этапах. Рассматриваются ключевые идеи симфонии властей, возможные стратегии взаимодействия духовной, созерцающей и светской, действующей власти. Выявляются точки пересечения и расхождения в понимании природы политического, а также прослеживается трансформация представлений о власти и политическом лидерстве. Обосновывается актуальность классических религиозных концепций власти для осмысления современных политических тенденций. Концептуализируются понятия «бунт кшатриев» и «симфония властей», обосновывается их методологическая значимость в рамках сравнительно-сопоставительного анализа религиозных концепций в осмыслении светскости и духовности власти. В статье предпринята попытка линейной экстраполяции данных теорий на современный этап государственно-конфессиональных отношений, рассмотрены их особенности в исламе и христианстве, определена специфика, выделены схожие черты. Рассматриваются зарубежные и отечественные примеры, демонстрирующие актуальность религиозных символов и ритуалов в действительном политическом бытии. Выявляются аспекты, оказывающие непосредственное влияние на формирование религиозной идентичности населения в настоящем. Производится оценка состоятельности традиционной модели «симфонии властей» в разрезе различных эпох, включая современность.

Для цитирования в научных исследованиях

Булатов Т.Р. Трансформация представлений о власти в исламе и христианстве: от симфонии к разделению // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 6А. С. 53-67.

Ключевые слова

Власть, политика, религия, ислам, христианство, симфония властей, правитель, духовная власть, светская власть, государство.

Введение

Вопросы взаимовлияния и взаимопроникновения религии и власти, взаимодействие светской и духовной власти представляют собой одно из базовых измерений в исследовании такого многоаспектного феномена, как власть. Эволюция этих отношений, проявления их в современных властных процессах, особенно в условиях мультикультурализма, образуют важное проблемное поле, анализу некоторых аспектов которого будет посвящена данная статья.

Самоопределение власти как единства-разделения духовного (религиозного) и силового (действующего) начал, а также осмысление этого единства-разделения в политической философии уходит в далекое прошлое. Мы находим его в Законах Ману (Др. Индия), в учении Платона о государстве, в политических практиках Древнего Рима. Существенное влияние на осмысление этой проблемы оказало Средневековье, когда происходило становление парадигмы теоцентризма в свете таких мировых религий, как христианство и ислам. В перспективе христианской традиции проблемы отношения религии и власти рассматривалась Августином Аврелием, Фомой Аквинским, в византийском законопроекте «Эпанагога», в философии Томаса Мора. В исламской традиции прежде всего следует назвать, помимо текста Корана и хадисов, фигуры Абу Хамид аль-Газали, Аль-Фараби. В последующие эпохи интерес к указанной теме не угасал, во многом это связано с тем, что в общественном и индивидуальном мировоззрении религиозная идентичность продолжала занимать одно из доминирующих положений и влиять на восприятие протекающих социально-политических процессов.

В данной статье мы обращались к анализу как классических философских систем и религиозно-правовых норм, и традиций, так и к работам современных исследователей. В методологическом плане мы опираемся на концепцию бунта кшатриев Рене Генона, теорию двух тел короля Эрнста Канторовича, на анализ тенденций секуляризационных процессов в общественном сознании, проведенный Д.Е. Фурманом. Также обращаемся к современным исследователям проблемы дуальности светской и духовной власти: Р.Н. Лункину, анализирующему взаимопроникаемость политической власти и христианства как власти духовной, А.П. Дворкину, исследующему отечественный опыт взаимодействия светской власти и православия, Л.Р. Сюкияйнену, рассматривающему тенденции развития ислама в русле политического управления, Г.М. Керимову, изучающему систему «государство-ислам». Также выделим работы Т.Л. Мигуновой и Л.Р. Романовской, представляющих «симфонию властей», в первую очередь, как гармонию между светской и духовной властью.

Цель работы – проанализировать модели разделения и симфонии властей на примере европейского (христианского) и арабского (исламского) политического устройства и их влияние на современный подход к организации процесса управления. Выбор именно этих религиозных традиций обусловлен, в первую очередь, численностью их представителей во всем мире. В ряде государств большая часть электората идентифицирует себя в качестве верующих, что, безусловно, становится причиной недопущения со стороны светской власти полной автономии духовной сферы. Взаимопроникаемость государства и религии, сложное переплетение устоявшихся политических и духовных норм и традиций исключает применение упрощенных секулярных моделей политического устройства, требуя учета религиозного фактора в публичной сфере.

Актуальность темы определяется тем, что и на сегодняшний день вопросы необходимости интеграции религиозных институтов в общую структуру власти, как важного элемента социального бытия, являются во многом спорными. В условиях мультикультурализма остается

дискуссионной тема доминирующего религиозного представления в обществе и ее проекция в сферу политического управления. Экзистенциальный синтез культур формирует повестку важности мирного и гармоничного сосуществования властных и религиозных институтов. В связи с этим представляется важным анализ трансформации представлений о власти в исламе и христианстве и сопоставление их с актуализированными тенденциями современности.

Как и многое в философии, истоки симфонии и разделения властей лежат в Античности. Платон в своих диалогах раскрывает свое видение модели идеального государства. Несмотря на строгое разделение деятельности между тремя основными сословиями, в чем Платон и видел справедливость, тем не менее он не исключает необходимость их взаимодействия. Философы-мудрецы как разумная и созерцающая власть не может существовать вне контекста другого сословия – стражей – олицетворяющего власть действующую.

Переходя непосредственно к теме данной работы, считаем важным рассмотреть и индийскую традицию «властвования» на примере кшатриев и брахманов, проанализированных Рене Геноном в работе «Духовное владычество и мирская власть». Это позволит комплексно рассмотреть заявленную тему и определить природу, точки соприкосновения и расхождения различных моделей отношений духовной и светской властей. Философ указывает на ведущую атрибуцию брахманов в мудрости, а кшатриев – в силе. В работе также упоминается и древнеегипетский символ Сфинкса, который по своей сути объединяет в себе два начала: человеческая голова олицетворяет мудрость, духовную власть, сила же выражена в теле льва, олицетворяющую мирскую власть, которая действует. Состояние покоя, в котором перманентно пребывает изображаемый Сфинкс, трактуется философом как представление мирской власти в её потенциальном, нереализованном виде, что отражает её духовную сущность, где власть существует как внутренняя возможность, ещё не воплощённая в действии. Более того, это может рассматриваться как отражение высшего божественного принципа, объединяющего духовное и мирское начала, этот принцип находится вне разделения на духовное и светское, являясь общим источником для обоих, при этом духовное начало исходит из него напрямую, тогда как светское — опосредованно, через духовное. Однако вернемся к брахманам, относящимся к типу устойчивых людей, и кшатриям – людям изменчивым [Генон, Урсен (пер.), 2015: 143]. Рене Генон также обращает внимание на то, что природа брахмана и природа кшатрия фундаментально различаются по доминирующим гунам. Индуистское учение выделяет три основные гуны, свойства, определяющие природу живых существ во всех формах их проявления: саттва – свет разума и мудрость; раджас – стремление к расширению и спонтанность, согласно которым живой организм эволюционирует в рамках конкретного состояния и, в некотором смысле, на определённой ступени бытия; тамас – мрак, ассоциируемый с неведением и выражаемый через склонность к упадку.

Эти свойства, гуны, находятся в своем первоначальном состоянии гармонии неразделенности, однако в случае проявления любого рода манифестации происходит нарушение этой гармонии. Для всех человеческих существ характерно наличие всех трех свойств, но у каждой касты есть свое преобладающее свойство. У брахманов преобладает саттва, направляющая их к достижению сверхчеловеческих состояний, в натуре кшатриев же – раджас, стимулирующий воинов к раскрытию потенциала, скрытого в человеческой природе. Гуны во многом соотносятся с началами души, которые выделяет Платон (разумное, яростное и вожделеющее).

Рене Генон отмечает, что по мере течения человеческой истории кшатрии пытаются сосредоточить власть в своих руках, подчинив себе брахманов. Эту тенденцию он называет

«бунтом кшатриев» и видит в нем один из признаков упадка и деградации традиционного общества, свидетельство ослабления духовной власти [Генон, Урсен (пер.), 2015: 67]. Генон считает, что светская власть саморазрушается по причине отказа принятия факта своей подчиненности духовной власти, так как мирская власть относится к миру перемен, что указывает на невозможность ее самостоятельного существования без незыблемого и неизменного принципа, который олицетворяет духовная власть.

Возникшее отрицание верховенства духовной среды и последующее за ним отрицание кастовых различий и иных форм традиционного социального устройства общества, направленного против брахманов, впоследствии обернулось и против кшатриев; самоотрицание иерархического строя привело к тому, что любая каста может возвышаться над другой, иметь такие же права на власть, при условии обладания достаточными материальными силами для осуществления функций власти. Одним словом, легитимность правления кшатриев была разрушена их собственными «фруками».

Рассмотрев некоторые теоретические аспекты проблемы взаимодействия светской и духовной власти, перейдем к исследованию «симфонии властей» в христианской традиции.

Симфония властей в христианстве

«Симфония властей» как принцип гармоничного взаимодействия и сосуществования органов власти и церкви, светскости и духовности, была сформулирована в шестой новелле Кодексе Юстиниана в 6 веке, которая описывает разделение сфер влияния между царством и церковью: царство заботится о человеческих делах, церковь – о божественных. «Симфония» или согласие в данном контексте подчеркивает различное «звучание» государства и церкви, живущих в собственной реальности, имеющих характерное мировосприятие, но при этом гармоничное взаимодействие которых синтезирует благозвучный унисон [Мигунова, Романовская, 2013, с. 4-5].

«Эпанагога» – памятник Византийского права IX века также содержит упоминание «симфонии властей» в контексте метафорического образа мирской власти и священства как тела и души государственного устройства. Подобное представление взаимодействия власти и церкви как частей одного целого отсылает нас к метафорическому представлению власти как единого человеческого организма, в котором каждая система отвечает за свой аспект его жизнедеятельности.

Сегодня, разумеется, мы не можем ставить на один уровень социального, экономического и политического влияния церковь и органы власти. Но средневековье демонстрирует нам картину полной консолидации и взаимопроникаемости власти мирской и власти духовной, когда религиозный лидер является лидером государства и концентрирует всю полноту власти в своих руках. Например, эпоха крестовых походов показывает, как церковь способна влиять на общество, разрабатывать и осуществлять стратегическое управление разнообразными слоями общества. Завоевания Арабского Халифата, вдохновленные религиозной идеей, в неменьшей степени подтверждают данный тезис.

Возвращаясь к Византийской вариации «симфонии властей», признающей власть священства, которой Создатель поручил заботу о душах, и власть царства, которой поручена забота о телах, следует сказать, что мир находится в равновесии, если эти две властные стороны единого Творца не ущемлены. Характерными чертами Византийского подхода к содружеству властей были: автономность существования светской и церковной властей, не сливающихся

воедино; их взаимодействие и взаимовыручка; невмешательство во внутренние дела друг друга и отсутствие стремления господствовать одной над другой. Однако описанная ранее концепция носит скорее идеалистический характер, на деле же облеченные политической властью императоры зачастую доминировали над священством и диктовали ему свои условия. В этом проявлялся упоминаемая выше модель «бунта кшатриев». В подтверждение этого можно указать на определения титула византийского императора, употреблявшегося с IX века вплоть до 1453 года: *василевс* или «царь», обладавший всей мыслимой полнотой как светской, так и духовной власти; верховный военачальник; судья, назначающий патриархов, «...самодержавная власть и величайшие почести принадлежат ему не как личности или представителю знатного рода, но как символу государства, средоточию государственного культа, тесно переплетенному с официальной религией — православием» [Филатов, 2011, с. 182-183]. В представлении византийцев, *василевс* отождествлялся с Божьим избранником, однако, в случае уличения его в произволе или нарушении христианских заповедей, Бог может отказаться от своего избранника. Во многом подобное представление перекликается с представлением об исламском халифе, о котором подробнее будет описано в следующей части.

Крещение Руси в 988 г. предопределило устойчивую взаимосвязь между государством и священством, продолжавшуюся вплоть до зарождения Петровского абсолютизма. На тесный союз Церкви и светской власти указывал и ритуал венчания на царство и наречение правителя Божьим помазанником. Рюриковичи, а позднее и первые Романовы отводили значительную роль церковной власти: так отец Михаила Федоровича Романова – Патриарх Московский и всея Руси Филарет носил царский титул «Великий государь» и занимал роль соправителя. Алексей Михайлович Романов совместно с Патриархом Никоном провел церковную реформу (1653 год), в основу которой легла необходимость приведения церковных книг и религиозных обрядов в соответствие с греческой нормой. Но стоит отметить, что не всегда священству удавалось договориться с государством, а в некоторых случаях возникали внутренние противоречия: в ходе реформы произошел церковный раскол, приведший к появлению старообрядцев. Кроме того, принятое Алексеем Михайловичем Соборное уложение (1649 год) фактически подчиняло Церковь государству. Никон, в свою очередь, в одной из своих работ попытался не согласиться с решением Государя и сравнил свою власть со светом Солнца, а власть правителя с луной, имея в виду, что Луна лишь отражает солнечный свет. С приходом к власти Петра I Великого и зарождением абсолютизма священство начало активно терять свои позиции: создание Святейшего правительствующего Синода, секуляризация церковных земель и т.д. [Дворкин, 2005, с. 264].

Если Российскому государству удавалось избегать открытых вооруженных конфликтов между Церковью и Государством, то жители европейских государств стали свидетелями подобных противостояний между Римскими папами и правителями западных территорий: борьба за инвеституру между престолом Священной Римской империи и папским престолом – «Хожение в Каноссу» (1077 г.), Лондонский конкордат (1107 г.), Вормсский конкордат (1122 г.). Можно вспомнить также Авиньонское пленение пап (1309-1377 гг.), которое связано с вынужденным пребыванием римских пап во Франции ввиду нестабильной политической ситуации в Италии. Еще одним ярким примером конфликта светской и духовной власти Средневековой Европы является борьба гвельфов, поддерживающих папский престол и выступающих за независимость итальянских городов-государств, и гибеллинов, которые были сторонниками императора и считали, что именно при сильной императорской власти возможна политическая и социальная стабильность.

Приведенные примеры «симфонии властей» и «бунта кшатриев» могут свидетельствовать о том, что гармоничное сосуществование Церкви и государственной власти возможно либо при явном подчинении одной власти другой, либо при полном исключении пересечения сфер влияния, так как именно борьба за авторитет, а соответственно за ресурсы и влияние, становилась камнем преткновения между мирным сосуществованием светской и духовной власти. Еще одной возможной стратегией гармоничного взаимодействия духовной и политической власти можно считать ситуацию, в которой главенствующая роль священства и государственной власти находится в одних руках Государя. При такой концепции исключаются конфликты духовенства и светской власти, правитель выступает в качестве зависимого от обеих сторон арбитра и координатора. В случае равной зависимости ото всех участников, арбитр может принять статус независимого. Однако нельзя исключать влияние высших чинов как со стороны государства, так и со стороны священства: если правитель будет проявлять симпатии или находится под сильным воздействием приближенных одной из сторон власти или же не будет обладать достаточным авторитетом для властных структур, то существует вероятность возникновения открытого противостояния. Так или иначе, не существует универсальной формулы успешного взаимодействия государства и религиозного института, по причине влияния множества факторов, в числе которых: размер территории, климатические условия, менталитет, культура и однородность населения, исторический контекст и иные. В каждом варианте сосуществования достижение абсолютной власти формирует новые риски. Так, например, при концентрации всей полноты духовной и государственной власти в одних руках, существует риск возникновения тирании или в случае отсутствия всеми принятого преемника и утрате сильной руки правителя, существующая гармония может быть разрушена в ходе стремления одной из властей занять в государстве главенствующую роль.

В контексте рассмотрения проблем симфонии властей в христианских государствах, нужно упомянуть теорию «двух тел короля», возникшую в Англии в 16 веке и проанализированную Эрнстом Канторовичем в работе «Два тела короля». Согласно этой теории, у короля есть два тела: природное и политическое. Природное тело короля подвержено всему тому, чему подвержено тело любого человека: болезни, страдания, старение, смерть. Политическое тело короля – это тело, предназначенное для осуществления власти, освобожденное от изъянов тела природного, а, следовательно, исключая возможность оспаривания решений, принятых им на основании биологических недостатков. [Канторович, 2015, с. 74-75]. Святость, приписываемая политическому телу короля, подобна святости ангельской или духовной, во многом основана на неизменности во времени. Э. Канторович приводит в пример дело герцогства Ланкастерского, указывая на мистицизм, которому были подвержены судьи при разборе деяний несовершеннолетнего короля Эдуарда VI: несмотря на то, что король осуществляет владение или приобретение земли в юном возрасте природным телом, тем не менее, оно соединено с политическим телом и облагорожено им, а именно тем, что включает в себя положение, достоинство, сан. Тело короля немислимо как два отдельных тела: природное и политическое едины, из чего следует, что даже если король осуществляет деяние телом природным, то тело политическое также участвует в данном процессе. Сакрализация королевской власти или ее выделение как сугубо божественной формировало ряд рисков, связанных со злоупотреблением властными полномочиями верховной фигуры, использованием правосудия в личных интересах, отсутствием системы сдержек и противовесов приводило к абсолютизации власти и концентрации всей полноты этой власти в одних руках. Как отмечал Томас Мор в «Утопии», справедливое и равномерное распределение благ возможно

исключительно в случае полной ликвидации частной собственности (наследие платоновского мировоззрения), однако он понимает, что это невозможно в той необходимой степени, а возможно лишь его облегчение [Мор, 1935, с. 133-134]. В указанных условиях всеобъемлющего властвования и возможности завладения и сохранения благ, собственности ситуация, сложившаяся в Средневековой Европе во многом понятна и объяснима: противостояние и борьба светской и мирской власти за авторитет и ресурсы, стали логичным следствием описанного положения. Поэтому «два тела короля» можно понимать и в свете симфонии властей, так как в короле объединено и светское и духовное начала власти. Но, с другой стороны, увидеть в нем проявление тенденции «бунта кшатриев» – ведь король, в своих двух телах по сути представляет касту кшатриев.

Симфония властей в исламе

Перейдем к симфонии властей в исламе. Теократическое государство Халифат было образовано после смерти Пророка Мухаммеда. Вся полнота духовной и светской власти в государстве была сосредоточена в руках халифов – высочайший мусульманский титул, в том числе употребляется в значении глава Халифата, лидер уммы, правящий в строгом соответствии с нормами шариата. Сунниты и шииты по-разному подходят в проявлению божественного начала в политическом теле халифа: сунниты являются сторонниками отсутствия в полномочиях и деяниях халифа божественного начал, а шииты, в свою очередь, наделяли фигуру халифа божественным, священным характером. Расширение Арабского Халифата происходило преимущественно в результате захватнических войн. Все еще консолидирующим и контролирующим элементом общества выступал ислам, а халиф по-прежнему занимал верховенствующую роль в большинстве сфер: верховный главнокомандующий, судья, собственник земли, глава государства. Он отвечал также за назначение всех высших чиновников. При халифе был главный советник – визирь, изначально выполнявший исключительно поручения халифа, позднее визири обрели объем светской и военной власти, самостоятельное управление от имени халифа, в том числе управление его двором. Судебная власть отделялась от администрации и была напрямую связана с духовенством. Халифу подчинялась коллегия из наиболее авторитетных богословов, знатоков норм шариата, которые, в свою очередь, от имени правителя, назначали нижестоящих судей из числа представителей местного духовенства – кади. Решение судей не подлежало обжалованию, а их полномочия включали в себя довольно обширный перечень [Керимов, 1986, с. 67].

Один из наиболее значимых средневековых исламских философов Абу Наср аль-Фараби считал, что совершенное управление является основой для совершенного государственного устройства. Также философ рассуждал над образом правителя добродетельного города: независимо от статуса жителя каждый из них должен быть обеспечен счастьем, достигаемым через добродетель. Аль-Фараби указывает на такие характеристики правителя, как: презрение к богатству и ненависть к притеснителям и притеснениям, отвращение ко лжи, ораторское искусство и красноречие, понятливость и прилежность в учении, любовь к честности и справедливости, хорошее сложение, великодушие [Аль-Фараби, 1987, с. 88-89]. Имам Абу Хамид аль-Газали – один из основателей суфизма, считал ислам самым мощным орудием управления государством и сохранения народного повиновения, тем самым подчеркивая тесную взаимосвязь и взаимозависимость ислама и государства. Этот философ говорит о потребности государя в религии для управления народом. Подобное мировосприятие

определяет роль богословов и законоведов в качестве проводников между жителями и правящим классом, а также учителей для халифов. Аль-Газали также определяет роль государя как хранителя мира, а сохранность мира обеспечивает сохранение религии [Керимов Г.М., 2010, с. 9].

Как отмечает Сюкияйнен Л. Р., для большинства мусульманских мыслителей утверждение власти халифата является необходимостью, выступающей в роли обязанности, возлагающейся на всех мусульман, включая главу государства. Халиф обязан следить за соблюдением мусульманами религиозных обязанностей и шариата, а также разрешать любые споры между представителями общины для достижения справедливости, базирующейся на нормах шариата, ключевой же обязанностью было недопущение беспорядков и анархии. «Имам-деспот лучше смуты» такую цитату знаменитого хадиса приводит Сюкияйнен, ссылаясь на мусульманского правоведа Абу Хасан аль-Маварди [Сюкияйнен Л.Р., 2024, с.10]. Исламские правоведы указывают, что подчинение любому правителю является обязательным, исключением являются правители, откровенно нарушающие мусульманские заповеди, впадшие в неверие, отдающие приказы, греховные в глазах Аллаха. Противостояние такому правителю признается благим делом.

Несмотря на то, что исламская правовая мысль отчасти отклонилась от традиционных представлений о едином политическом центре (халифате) и едином правителе (халифе) и признала существование нескольких независимых центров управления, объединенных общей религиозной идеей, сама исламская теория власти, тем не менее, носила общепризнанный характер вплоть до первой половины XIX века. Последующие события на рубеже XIX-XX вв. формально сохраняли за халифатом позицию религиозного института, консолидирующего мусульман. После распада Османской империи по результатам Первой мировой войны халифат перешел в разряд декоративного института и уже в марте 1924 был официально упразднен [Сюкияйнен, 2024, с. 28]. Ведущие религиозные теоретики того времени пытались переосмыслить роль халифата, выделяя основные преимущества перед иными формами правления. Кроме того, отмечалось и ограничение самостоятельности избранного халифа, как принципами и нормами шариата, так и необходимостью советоваться при принятии политико-правовых решений с наиболее выдающимися представителями общины. Концепция ограничения самостоятельности халифа изменяет характер власти главы мусульманского государства: халиф мыслится теперь как представитель исполнительной власти, который больше не властен над мусульманами в делах духовных. Эта концепция стала крайней попыткой возрождения халифата. По мере же понимания иллюзорности подобного возрождения начали формироваться концепции, противопоставляющие халифат исламу и шариату, утверждая, что властвование халифа зиждется на подавлении и насилии, а сам халифат как политический строй не имеет крепкой основы и закрепления в священных писаниях, а его обязательность отсутствует как норма в шариате. В чистом виде религиозное лидерство завершилось на пророке Мухаммаде, на его основе сформировалось лидерство политическое, а первый халиф полноправно может считаться светским монархом. Подобная концепция вызвала резко негативную реакцию духовенства, а ее сторонники «подвергнуты остракизму». Энтузиасты халифата продолжали отстаивать его право на существование в качестве политико-духовного института, объединяющего мусульман. В частности, в Турции подобный подход не получил одобрения и новое государство встало на светские «ф рельсы», отказавшись от шариата в пользу законодательства по европейскому образцу.

На сегодняшний день официальные центры шариатской мысли приводят традиционное

определение халифата как власти, замещающей владыку шариата – Аллаха, в удовлетворении интересов мирской жизни и религии. В исламской традиции признается эффективность подчинения властителей различных регионов единому верховному правителю – халифу. Однако в ситуации, когда подобное подчинение невозможно, тем не менее допускается необходимость и легитимность власти правителей различных стран, реализовать которую может правитель-мусульманин, если в основу власти положено стремление к удовлетворению религиозных и земных интересов общины. После отмены единого халифата и образования государств с индивидуальными конституциями и правовыми системами ситуация во многом стала сопоставима с ситуацией царившей в эпоху средневековья. Каждое подобное государство может рассматриваться с позиции шариата как эмираты, а подчинение граждан такой власти обязательно по причине отсутствия принуждения к совершению низменных и греховных поступков, противоречащих нормам ислама. Обязанности главы современного государства во многом отвечают требованиям, предъявляемым к исламской власти, дополнительно можно отметить, что такие обязанности соотносятся с полномочиями, которыми обладали правители, существовавших ранее султанатов или отдельных халифатов. Из этого следует, что любое государство по своему характеру является исламским если большинство или все граждане, находящиеся под его властью, исповедуют ислам, имеют возможность свободно реализовывать свои религиозные или духовные права, выражающиеся в беспрепятственном соблюдении и выполнении религиозных обрядов и предписаний, отсутствии каких-либо ограничений или санкций, связанных с религиозной деятельностью. Таким образом, исламский вариант симфонии властей предполагает концентрацию всей полноты светской и духовной власти в руках одного человека – халифа.

Симфония властей в современном мире

Стоит отметить, что прошедшая четверть века наглядно продемонстрировала динамику изменений картины религиозной сцены мира, которая, по своей сути, является продолжением процесса трансформации теологических традиций, начавшегося по итогам Второй мировой войны и значительно ускорившегося в последнее десятилетие XX века. Хотя и допускается восприятие религии в качестве явления, оттесненного на линию периметра от центра общественной жизни научно-техническим прогрессом, глобализацией, развитием потребительской культуры и информационного общества, однако начало XXI века стало ярким ренессансом религиозных институтов и их развитием, проявляющимися в растущем интересе общества к духовным темам. Причем религия не является препятствием для глобализации и не претендует, во всяком случае явно, на пересмотр «светскости» государств, что вызывает общественный диссонанс, так как ожидания, что духовенство будет препятствовать прогрессу, не оправдываются. Все это становится причиной растерянности секулярного мышления на фоне возрастающей роли религиозного фактора в современном мире. Глобальные тенденции становятся причиной трансформации культурного ландшафта многих стран, к таким тенденциям можно отнести:

- стремление ограничить роль религии в жизни общества, используя, в том числе, законодательные инструменты;
- усиление секуляризации и нейтралитета (или даже равнодушия) к религии в массовом сознании;
- всеобщее религиозное многообразие, позволяющее удовлетворять духовные потребности независимо от этнической или гражданской принадлежности;

– утрата историческими религиями монополии на формирование общественного сознания и иные.

Вместе с тем развивается и крепнет глобальный фундаментализм в форме распространения радикальных религиозных движений, таких как исламисты в России, ЕС и США, буддистские националисты в Мьянме. Увеличиваются акты религиозной нетерпимости, подобно сожжению священных писаний или давления на сферу искусства под эгидой свободы вероисповедания или оскорбления религиозных чувств [Р.Н. Лункин, 2020, с. 81].

На протяжении длительного времени в Европе фиксировалась тенденция снижения влияния церкви и числа прихожан, общего упадка духовной сферы, данная часть Земли представлялась, практически, как самая безразличная к религиозной сфере, фактически же христианству удалось удержать позиции нравственного маяка для верующей части населения. Удержание позиций происходило во многом благодаря адаптации церковей к продолжающемуся процессу демократизации культурной и общественно-политической жизни. Стоит отметить, что статистические данные не всегда могут указывать на сдвиг религиозной парадигмы социума, протекающей латентно, без явных внешних проявлений. Довольно точно на эту тему выразился социолог Дмитрий Фурман, говоря, что «падение цифр статистики, характеризующей религиозные верования и действия, не обязательно означает секуляризацию — оно может означать и вытеснение данной религиозной мифологии какой-то другой мифологией. Равным образом устойчивость религиозных мифологических символов, постоянство и даже рост цифр религиозной статистики не обязательно означают отсутствие секуляризации — секуляризация может происходить в скрытой форме, за счет переосмысления религиозных символов, не затрагивая до поры до времени их внешней формы» [Фурман, 1981, с. 9]. Тем не менее отвергать имеющиеся данные, указывающие на сохранение христианских позиций в Европе — нецелесообразно. «Проблема в том, что Европа перестала быть средоточием мирового христианства в статистическом смысле — если в 1960 г. доля Европы в общей численности христиан в мире была 46 %, то к 2010 г. эта цифра упала более чем вдвое и составила 22 %. США и Европу по количеству христиан стремительно догоняют Латинская Америка, Африка и Азия. Тем не менее, все относительно — все равно около половины жителей Европы считают себя христианами, а это очень весомый показатель» [Лункин, 2020, с. 87].

Многофакторность религиозной идентичности включает в себя, помимо внутренней убежденности – веры, также символизм и ритуальность. Религиозный символизм является частью политического бытия во многих странах мира. Обратимся к ключевым политическим событиям различных регионов для уточнения степени интеграции религиозной ритуальности. Программа инаугурации Президента США включает в себя посещение им и членами его семьи церковной службы, происходящей в епископальной церкви Святого Иоанна напротив Белого дома. Во время произнесения клятвы избранный Президент кладет левую руку на Библию и поднимает правую руку. С точки зрения Конституции США эта традиция не является обязательной, ряд избранных Президентов США, включая Дональда Трампа в 2025 году, не стали класть руку на Библию по тем или иным причинам. Также программа инаугурации включает в себя благословение священником. Держа руку на Евангелии произносят клятву также в Грузии, в Армении задействована также и Конституция государства, Президент Индонезии произносит слова присяги, держа руку на Коране. Клятва на Библии применяется также по отношению к участникам судебных процессов Великобритании, однако в 2013 году обсуждался вопрос о прекращении подобной практики по причине равнодушного отношения представителей иных религий или неверующих к данной процедуре, но верующие христиане расценили эту инициативу как попытку подрыва основ христианской морали.

Расположение культовых религиозных сооружений в непосредственной близости с политическими центрами также может свидетельствовать о своеобразной «симфонии властей»: в Московском Кремле – Успенский, Благовещенский, Архангельский соборы, в Казанском Кремле – Благовещенский собор и мечеть Кул-Шариф, Вестминстерский дворец в Лондоне, где проходят заседания британского Парламента и находящиеся в шаговой доступности Вестминстерское аббатство, церковь Святой Маргариты, Католический храм и множество иных примеров в разных частях света.

Приведенные примеры демонстрируют актуальность религиозных символов и ритуалов в политической сфере. В подобном контексте вызывает интерес обратная ситуация, когда представители политической элиты публично участвуют в религиозных обрядах, практиках, акцентируя, осознанно или нет, внимание аудитории на своей религиозной идентичности. Политолог Р.Н. Лункин проанализировал фигуры ряда европейских политиков на предмет их публичной религиозной деятельности, в числе которых: Маттео Сальвини (Италия), Марин Ле Пен (Франция), Борис Джонсон (Великобритания), Урсула фон дер Ляйен (Германия). Эти политические деятели в том или ином виде выражали свою религиозную идентичность: публичное ношение религиозной атрибутики, например четок, и обращение к Деве Марии (Сальвини), декларация своих духовных ценностей и воспитания в русле католицизма в рамках интервью (Ле Пен), поддержка религиозных инициатив в политических процессах – начало работы парламента с молитвы (Джонсон), «...была раскритикована за инициатива с акцентом, заняться воспитанием детей католиков и протестантов без упоминания детей мусульман и иудеев» (фон дер Ляйен) [Р.Н. Лункин, 2019, с. 1-6]. Каждый из упоминаемых политиков в той или иной степени столкнулся с критикой различных религиозных деятелей за публичные высказывания или действия, указывающие на духовную идентичность. Кроме того отмечается, что в Европе вопрос религии тесно переплетен с миграционным кризисом и своеобразным столкновением культур. Несмотря на критику со стороны духовенства, политикам удалось сохранить свои позиции благодаря верующей части электората, поддержавшим идеи сохранения культурной идентичности принимающего населения, а также фактору религиозной консолидации в системе общество-власть.

Среди отечественных политиков также фиксируется практика участия в религиозных мероприятиях. В качестве примера можно привести участие Президента России В. Путина в крещенских купаниях и богослужениях, Глава Чеченской Республики Р. Кадыров посещает мечеть и использует религиозную атрибутику – четки, Раис Республики Татарстан Р. Минниханов стал участником республиканского ифгара и также посещает мечеть.

Таким образом, мы можем видеть неразрывную связь между религиозными институтами и властью в современных светских государствах. Сегодня, когда социум погружен в культуру потребления, когда происходит активное развитие технологий, когда общество вступило в эпоху искусственного интеллекта, духовные вопросы тем не менее остаются важными для большей части населения. Поэтому интеграция религии в структуру власти остается актуальной темой для современного мира.

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа, следует сказать, что несмотря на некоторые различия в христианстве и исламе, тем не менее эти религии имеют множество сходных черт, в том числе, в вопросах определения власти. Обеими традициями подчеркивается божественное начало власти, указывается на подчинение светской власти божьей воле, сам правитель понимается как

«помазанник Бога», который обязан строго соблюдать религиозные нормы и контролировать их соблюдение со стороны своих поданных. В ряде случаев подчеркивается святость правителя.

Традиционная модель симфонии властей, зародившаяся в Древнем мире, не смогла пройти испытание временем. Изначальное представление религии в качестве основного источника сакральности власти и законодательства, а также религиозное видение духовного лидера как равного светскому или даже выше него, как божьего наместника, скоро перестало отвечать запросам общества и государства. Вместе с ослаблением позиций теоцентризма и отказа от верховенства религии и божественного закона ввиду развития науки, техники, гуманитарного знания, и воцарения идей антропоцентризма, привычная модель «симфонии властей», выраженная в распределении полномочий между духовной (думающей, стратегической, мудрой и сакральной) власти и светской (действующей, тактической, яростной, земной) власти, перестала быть актуальной. Разумеется, этот процесс занял довольно длительный промежуток времени, который был наполнен разного рода конфликтами, вызванными желанием занять главенствующую позицию не только в общественном сознании, но и в государственном управлении. В отдельные отрезки истории с различной степенью эффективности, доминирующее положение занимала то духовная, то светская власть. Можно сказать, что отправным толчком к пересмотру роли и функции религии в политической власти можно считать намерение действующей власти как концентрирующей в себе всю полноту полномочий влиять на жизнь общества и государства, выйти из под контроля думающей власти.

Если наложить процесс секуляризации на историческую прямую и представить его в качестве математического графика, то мы получим наивысшую точку, точку контроля духовной власти над светской, в эпоху средневековья и постепенное, по мере движения по исторической прямой, снижение этого контроля, в то время как график светской власти будет повышаться. Если от точки пересечения духовной и светской власти на одном уровне влияния мы проведем прямую линию вниз, то график укажет нам на период 16-17 века, когда значимость религии стала значительно ниже стартовых показателей, но при этом происходило активное формирование различных государственных институтов при поддержке научно-технического прогресса. Несмотря на это, религия все еще оставалась существенной силой и оказывала непосредственное влияние на политические процессы. Вплоть до наших дней влияние религии на действующую, практическую власть неумолимо снижается, тем не менее, пусть и формально, в современных политических процедурах используются ритуальные религиозные элементы. Кроме того, светская власть вынуждена учитывать религиозную идентичность населения – электората.

Библиография

1. Аль-Фараби. Историко-философские трактаты. пер. с арабского: К.Х. Таджикова, Н. Караев. –Алма-Ата: «Наука», 1985 – 226 с.
2. В Британии могут исключить клятву на Библии из процесса присяги в суде // РИА Новости, 06.10.2013[сайт] — режим доступа: <https://ria.ru/20131006/968071121.html> свободный (дата обращения: 02.05.2025) — Загл. с экрана.
3. ВЗГЛЯД // Церемония инаугурации президента Индонезии состоялась в Джакарте :: Новости дня[сайт] — режим доступа: <https://vz.ru/news/2009/10/20/339569.html> свободный (дата обращения: 02.05.2025) — Загл. с экрана.
4. Византийский словарь: в 2 т. / [сост. Общ. Ред. К.А. Филатова]. СПб.: Амфора. ТИД Амфора: РХГА: Издательство Олега Абышко, 2011, т. 1, с. 182-183.
5. Генон Рене, Урсен Жан. Духовное владычество и мирская власть. - М.: Беловодье, 2015. – 211 с.
6. Дворкин А.П. Очерки по истории Вселенской православной церкви: Курс лекций. Нижний Новгород: Изд-во Братства во имя св. князя Александра Невского, 2005. С. 264.

7. Инаугурация Кавелашвили на пост президента Грузии // «РИА Новости» [сайт] — режим доступа: <https://rutube.ru/video/84c63e0d2f28b3d1f3620bfd01b316f1/> свободный (дата обращения: 02.05.2025) — Загл. с экрана.
8. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. второе, исправленное / Пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегиной. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 752 с.
9. Керимов Г. М. Аль-Газали: религиозно-философские взгляды // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/al-gazali-religio-zno-filosofskie-vzglyady> (дата обращения: 03.05.2025).
10. Керимов Г.М. Учение ислама о государстве и политике. М., 1986. 63с.
11. Лункин Р. Н. «Религиозность» европейских политиков: восстание против политкорректности // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznost-evropeyskih-politikov-vosstanie-protiv-politkorrektnosti> (дата обращения: 02.05.2025).
12. Лункин Р. Н. Общественно-политическая роль религии в Европе: запрос на христианскую идентичность // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvenno-politicheskaya-rol-religii-v-evrope-zapros-na-hristianskuyu-identichnost> (дата обращения: 02.05.2025).
13. Лункин Р. Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. Монография. — М.: ИЕ РАН: Нестор-История, 2020 — 488 с.
14. Мигунова Т. Л., Романовская Л. Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник ННГУ. 2013. №3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simfoniya-vlastey-kak-printsip-vzaimootnosheniy-mezhdu-tserkovyu-i-gosudarstvom> (дата обращения: 11.10.2024).
15. Мор Т. Утопия / Пер. с англ. А. И. Малена / Мор Т. — Москва-Ленинград: Academia, 1935 — 272 с.
16. Процедура инаугурации президента США // РИА Новости, 20.01.2025[сайт] — режим доступа: <https://ria.ru/20250120/ssha-1994242210.html> свободный (дата обращения: 02.05.2025) — Загл. с экрана.
17. Сухарников, Е. С. Краткий курс истории. Спор царя и государя / Е. С. Сухарников. — Текст : электронный // История. РФ : [сайт]. — URL: <https://histrf.ru/teacher/istoriya-rossii-v-1533-konce-xvii-v-russkaya-cerkov-v-xvii-v/article/spor-tsaria-i-ghosudaria?content=article> (дата обращения: 01.05.2025).
18. Сюкийянен Л.Р. Исламская концепция государства и конституции. Учебное пособие. — Болгар: Мусульманская религиозная организация духовная образовательная организация высшего образования «Болгарская исламская академия», 2024. — 112 с.
19. Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981. 488 с.

Transformation of Power Conceptions in Islam and Christianity: From Symphony to Separation

Tagir R. Bulatov

Graduate Student,
Lecturer at the Department of Philosophy and Media Communications,
Kazan State Power Engineering University,
420066, 51 Krasnoselskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: bulatovtr116@gmail.com

Abstract

This article presents a comparative analysis of philosophical conceptions of power in Muslim (Arab) and Christian (European) traditions across different historical periods. The study examines key ideas of the symphony of powers and possible strategies for interaction between spiritual/contemplative and secular/executive authorities. It identifies points of convergence and divergence in understanding the nature of the political, while tracing the transformation of conceptions regarding power and political leadership. The research substantiates the relevance of classical religious power concepts for understanding contemporary political trends. It conceptualizes

the notions of "kshatriya rebellion" and "symphony of powers," demonstrating their methodological significance for comparative analysis of religious conceptions in interpreting the secular and spiritual dimensions of power. The article attempts a linear extrapolation of these theories to the modern stage of state-religion relations, analyzing their specific manifestations in Islam and Christianity while identifying both unique features and common characteristics. Through examining foreign and domestic examples, the study demonstrates the continued relevance of religious symbols and rituals in actual political practice. It reveals aspects that directly influence the formation of contemporary religious identity among populations. The work evaluates the viability of the traditional "symphony of powers" model across different historical epochs, including the modern era.

For citation

Bulatov T.R. (2025) Transformatsiya predstavleniy o vlasti v islame i khristianstve: ot simfonii k razdeleniyu [Transformation of Power Conceptions in Islam and Christianity: From Symphony to Separation]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (6A), pp. 53-67.

Keywords

Power, politics, religion, Islam, Christianity, symphony of powers, ruler, spiritual authority, secular authority, state.

References

1. Al-Farabi. Historical and philosophical treatises. translated from Arabic: K.H. Tajikova, N. Karaev. Alma Ata: Nauka, 1985, 226 p.
2. In Britain, they can exclude swearing on the Bible from the swearing—in process in court // RIA Novosti, 06.10.2013[website] - access mode: <https://ria.ru/20131006/968071121.html> free (date of access: 05/02/2025) — Cover from the screen.
3. THE VIEW // The inauguration ceremony of the President of Indonesia took place in Jakarta. :: News of the day[website] — access mode: <https://vz.ru/news/2009/10/20/339569.html> free (date of access: 05/02/2025) — Cover from the screen.
4. The Byzantine Dictionary: in 2 volumes / [comp. General Ed. by K.A. Filatov]. St. Petersburg: Amphora. TID Amfora: RHGA: Oleg Abyshko Publishing House, 2011, vol. 1, pp. 182-183.
5. Guenon Rene, Ursen Jean. Spiritual dominion and worldly power. Moscow: Belovodye Publ., 2015. 211 p.
6. Dvorkin A.P. Essays on the history of the Universal Orthodox Church: A course of lectures. Nizhny Novgorod: Publishing House of the Brotherhood in the Name of St. Prince Alexander Nevsky, 2005. p. 264.
7. Kavelashvili's inauguration as President of Georgia // RIA Novosti.[website] — access mode: <https://rutube.ru/video/84c63e0d2f28b3d1f3620bfd01b316f1/> / free (date of access: 05/02/2025) — Cover from the screen.
8. Kantorovich E.H. Two bodies of the King. A study in medieval political theology. Second edition, revised / Translated from English by M. A. Boitsova and A. Y. Seregina. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2015. 752 p.
9. Kerimov G. M. Al-Ghazali: religious and philosophical views // State, religion, church in Russia and abroad. 2010. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/al-gazali-religiozno-filosofskie-vzglyady> (date of reference: 05/03/2025).
10. Kerimov G.M. The teachings of Islam on the state and politics. Moscow, 1986. 63s.
11. Lunkin R. N. "Religiosity" of European politicians: an uprising against political correctness // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 2019, No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznost-evropeyskih-politikov-vosstanie-protiv-politkorrektnosti> (date of request: 05/02/2025).
12. Lunkin R. N. The socio-political role of religion in Europe: a request for Christian identity // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2018. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvenno-politicheskaya-rol-religii-v-evrope-zapros-na-hristianskuyu-identichnost> (date of reference: 05/02/2025).
13. Lunkin R. N. Churches in politics and politics in churches. How modern Christianity is changing European society. Monograph. Moscow: IE RAS: Nestor—Istoriya, 2020 - 488 p.
14. Migunova T. L., Romanovskaya L. R. "The Symphony of authorities" as a principle of the relationship between the

-
- church and the state // Bulletin of UNN. 2013. №3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simfoniya-vlastey-kak-printsip-vzaimootnosheniymezhdu-tserkovyu-i-gosudarstvom> (date of request: 10/11/2024).
15. More t. Utopia / Translated from English by A. I. Malena / Mohr T. – Moscow-Leningrad: Academia, 1935 — 272 p.
16. The procedure for the inauguration of the President of the United States // RIA Novosti, 01/20/2025[website] — access mode: <https://ria.ru/20250120/ssha-1994242210.html> free (date of access: 05/02/2025) — Cover from the screen.
17. Sukhamikov, E. S. A short course in history. The dispute between the tsar and the sovereign / E. S. Sukhamikov. — Text : electronic // History. Russian Federation : [website]. — URL: <https://histrf.ru/teacher/istoriya-rossii-v-1533-konce-xvii-v/russkaya-cerkov-v-xvii-v/article/spor-tsaria-i-ghosudaria?content=article> (date of reference: 05/01/2025).
18. Sukiyainen L.R. The Islamic concept of the state and the Constitution. The training manual. – Bolgar: Muslim religious organization spiritual educational organization of higher education "Bulgarian Islamic Academy", 2024. 112 p.
19. Furman D. E. Religion and social conflicts in the USA. Moscow: Nauka, 1981. 488 p.